Неолиберализм в России

Аширов Джемал, студент 2-ого курса Высшей школы экономики и бизнеса Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ashirovjamal@mail.ru

Джабраилов Эмиль Руслан оглы, студент 2-ого курса Высшей инженерной школы "Новые материалы и технологии" Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: emildzabrailov4@gmail.com

Аннотация

Цель данной статьи - оценить роль неолиберальных идей в формировании перехода России к рыночной экономике. Преобладающие идеи “Вашингтонского консенсуса” несомненно, это подтолкнуло российских лидеров к проведению радикальных реформ, но российские реформаторы не слепо следовали идеологической повестке дня, установленной для них в Вашингтоне. Фактическая политика, которая была осуществлена, значительно отличалась от преобладающей неолиберальной ортодоксии и в значительной степени определялась личными интересами элит, которые принимали политические решения. В то время как цены были снижены, а международная торговля и валютные потоки открыты, процесс приватизации, в котором доминировали инсайдеры, оставил российскую экономику в руках узкого круга олигархов. Коррумпированная, зависящая от нефти и ориентированная на государство экономика России далека от децентрализованной, конкурентной рыночной системы, которую предполагали реформаторы. Демократия, которая первоначально рассматривалась как неотъемлемая часть переходного процесса, также отошла на второй план. В то время как критики утверждают, что Россия пострадала от передозировки “рыночного фундаментализма”, сами неолибералы по-прежнему настаивают на том, что Россия не зашла достаточно далеко в высвобождении подлинных рыночных сил. Так или иначе, Россия сейчас присоединилась к глобальной рыночной экономике, в то же время сохранив многие институциональные особенности, которые являются продуктом ее уникальной географии и исторического наследия.

Ключевые слова: неолиберализм, экономическое развитие, ордолиберализм, рыночные фундаменталисты, реформы.

Neoliberalism in Russia

Ashirov Jemal, student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

E-mail: ashirovjamal@mail.ru

Jabrayilov Emil Ruslan oglu, student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

E-mail: emildzabrailov4@gmail.com

Abstract

The purpose of this article is to assess the role of neoliberal ideas in shaping Russia's transition to a market economy. The prevailing ideas of the “Washington Consensus" undoubtedly pushed Russian leaders to carry out radical reforms, but Russian reformers did not blindly follow the ideological agenda set for them in Washington. The actual policy that was implemented differed significantly from the prevailing neoliberal orthodoxy and was largely determined by the personal interests of the elites who made political decisions. While prices have been lowered and international trade and currency flows have been opened, the privatization process, dominated by insiders, has left the Russian economy in the hands of a narrow circle of oligarchs. Russia's corrupt, oil-dependent and state-oriented economy is far from the decentralized, competitive market system that the reformers envisioned. Democracy, which was initially seen as an integral part of the transition process, has also faded into the background. While critics claim that Russia has suffered from an overdose of “market fundamentalism,” the neoliberals themselves still insist that Russia has not gone far enough in unleashing genuine market forces. One way or another, Russia has now joined the global market economy, while at the same time preserving many institutional features that are a product of its unique geography and historical heritage.

Keywords: neoliberalism, economic development, ordoliberalism, market fundamentalists, reforms.

В этой статье рассматривается, в какой степени конкретная совокупность идей, которые авторы называют ‘неолиберализмом’ сыграл независимую причинно-следственную роль в постсоветском переходном периоде в России. Статья начинается с обсуждения возникновения неолиберальных идей и их роли в экономическом развитии. Во втором разделе описываются реформы, проведенные в России в 1990-х годах. В заключительном разделе рассматриваются события, произошедшие с Владимиром Путиным, вступившим в должность президента в 2000

году. Вывод состоит в том, что определенные общие предположения о том, как работает рыночная экономика, действительно позволили и поощряли радикальные экономические реформы в России на критическом этапе. Но очень трудно отделить причинно-следственную роль идей от множества практических проблем, которые подталкивали лидеров действовать в определенном направлении. Левые критики глобализации изображают неолиберализм как пакет негибкой политики, который был навязан правительствам всего мира, включая Россию, с помощью кнута и пряника в виде условий предоставления кредитов МВФ.

Однако изучение исторических данных показывает, что российское руководство применяло избирательный подход к пакету неолиберальных мер политики, принимая одни предложения и отвергая другие. И даже политика, которую они действительно придерживались, часто радикально менялась в ходе реализации. Одним из возможных способов попытаться оценить влияние неолиберальных идей была бы оценка конечных результатов процесса реформ. Если бы Россия вышла из туннеля переходного периода как процветающая, конкурентоспособная рыночная экономика, то это можно было бы истолковать как поддержку для важных неолиберальных идей. Но данные противоречивы, и наблюдатели расходятся во мнениях относительно того, как оценивать последующую экономическую траекторию России. В настоящее время Россия является страной с рыночной экономикой, в которой большая часть активов принадлежит частным корпорациям, а большинство сделок совершается по рыночным ценам. Однако российские рынки в высшей степени олигополистичны и подвержены капризному вмешательству государства. Марксисты, такие как Гарет Дейл признают, что реформаторам удалось интегрировать Россию в мировую капиталистическую экономику, но они утверждают, что это было в ущерб русскому народу. Например, в течение 1990–х годов в России наблюдалось радикальное сокращение занятости в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности и растущая зависимость от добывающего сектора - нефти, газа и металлов. Сторонникам рынка следует приветствовать это как свидетельство сравнительного преимущества в действие. Для критиков рынка это признак неспособности сохранить сбалансированную, диверсифицированную экономику, способную к устойчивому росту и социальному равенству.

а) Роль идей в экономическом развитии

1) Глобальный переходный период и подъем неолиберализма

В политике время - это все. Если бы Советский Союз распался в 1950-х годах, постсоветские лидеры вполне могли бы принять социальную рыночную экономику, которая тогда обеспечивала быстрый рост в Западной Германии. Но распад Советского Союза произошел в 1991 году, и к этому моменту многие политики в развитых капиталистических

странах потеряли веру в кейнсианскую модель, действовавшую с 1945 года. Мировая экономика переживала ряд мучительных преобразований это ставит под сомнение господствующие экономические парадигмы. К 1970-м годам экономика США и Европы страдала от медленного роста, высокой безработицы и инфляции; социальных и политических волнений; краха Бреттон-Вудской системы валютного регулирования, действующей с 1944 года; и повышения цен на нефть в 1973 году, которое внесло новую нестабильность в мировую финансовую систему. Добавьте к этому долговые кризисы и политическую нестабильность в развивающемся мире, которые дискредитировали преобладающие стратегии, такие как импортозамещение, индустриализация, за которую выступают левые (под влиянием теории зависимости), и кредитование инфраструктуры, за которое выступает Всемирный банк (сформированное традиционной теорией роста). В то же время произошла революция в транспортных и информационных технологиях, которая привела к глобализации производственных процессов и появлению сборочных производств в Восточной и Юго-Восточной Азии. Оставался открытым вопрос о том, в какой степени национальные правительства способны управлять своими странами в эти неспокойные времена. [10]

Все чаще экономисты и лица, принимающие решения, пришли к мнению, что государству лучше отступить и работать с рыночными силами, а не против них – в том, что Филип Черни назвал “государством конкуренции”. Группа радикальных защитников рынка, которые стали известны как "неолибералы", призвала правительства отказаться от кейнсианского интервенционизма и государственных расходов на социальное обеспечение послевоенной эпохи и вместо этого принять логику более глубоких рыночных отношений, как внешних (через более активное участие в международном разделении труда и глобальных рынках капитала), так и внутренних (путем устранения барьеров для рыночные силы и уменьшение роли государства). Неолиберализм - это скорее широкая политическая философия, вдохновленная трудами Милтона Фридмана и Фридриха Хайека, чем конкретный набор политических предложений. Для ее защитников это философия, которая максимизирует человеческую свободу и процветание; для ее противников слева это фасад, за которым капиталистические элиты продвигают свои классовые интересы. Неолиберализм в настоящее время имеет резко негативную коннотацию среди международной политической элиты, и особенно в академических кругах. Сторонники политики, определяемой как "неолиберальная", почти никогда не используют этот термин в отношении самих себя. Скорее, они описывают себя как сторонников свободного рынка или капитализма. Неолиберализм не всегда имел такие негативные коннотации. Одной из ранних ветвей были немецкие экономические мыслители 1920-1950-х годов, известные как ордолибералы. Они были

посвящены спасению и возрождению могущества капиталистических институтов на континенте, где рынок был подавлен государством при фашистских и коммунистических режимах. В отличие от современного неолибералы, ордолибералы рассматривали рынок как социально укорененный и подчеркивали важность развития политических институтов (верховенство закона, федерализм, демократия), которые соответствовали бы рыночной конкуренции и поддерживали ее. Классический либерализм никогда не возводил стену между экономическим поведением и другими формами социального взаимодействия. В конце концов, тот же самый Адам Смит, написавший "Богатство наций", ранее написал "Теорию моральных чувств". Это произошло только после того, как немецкий ордолиберализм мигрировал в Латинскую Америку в 1960-х годах, где он был известен как ‘неолиберализм", что ярлык начал использоваться в первую очередь его противниками, и что либеральные экономические предписания стали отрываться от внимания к политическим институтам, без которых они не могут функционировать. Этот исторический экскурс уместен, поскольку он привлекает внимание к тому факту, что в 1990-х годах неолиберальная экономика оторвалась от своего политического контекста, что привело к неприятным последствиям. Издержки такого разделения были особенно ощутимы в России, стране, которая одновременно попыталась осуществить переход как к демократии, так и к рыночной экономике. [8, стр. 128]

Неолиберализм имеет сложные отношения с демократией. Сами неолибералы являются твердыми сторонниками распространения демократии; но критики утверждают, что было нереалистично ожидать, что страны только начавшие путь к демократии, будут принимать жесткие, противоречивые решения, которых потребовала бы радикальная рыночная реформа. Кроме того, несмотря на обещания, что рынок реформы пошёл бы на пользу большинству граждан, на практике либерализация имеет тенденцию к увеличению социального неравенства. Это означает, что такому политическому нововведению будет оказано существенное политическое сопротивление как в рядах правящей партии, так и среди электората в целом.

2) Различные подходы к роли идей в институциональных изменениях

Как понять роль неолиберальных идей в распространении рыночных реформ на Востоке Европы в 1990-е годы? В какой-то степени это устраивает как сторонников, так и критиков неолиберализма, преувеличивающих важность этого комплекса идей в формировании постсоциалистического перехода. Реальность более сложна и нюансирована. В настоящее время принято считать, что в любой данный момент времени один конкретный набор идей будет стремиться к гегемонии, при этом все социальные субъекты будут формулировать свою идентичность и преследовать свои интересы через язык правящей

парадигмы. Это понятие можно проследить до Карла Брошюра Маркса “Немецкая идеология” 1845 года ("идеи правящего класса в каждую эпоху являются господствующими идеями").

В некоторых областях существуют конкурирующие парадигмы – как, например, в области международных отношений, где государства разрываются между реалистическими и либеральными институционалистскими рамками. В областях, где преобладает ортодоксальность, аналитики сталкиваются с проблемой объяснения того, почему и как определенный набор идей смог установить гегемонию и вытеснить предыдущую парадигму. Возникает соблазн занять редукционистскую позицию и объяснить идеологические сдвиги простым эпифеноменом, отражающим изменения в "реальной" экономике и отношениях между конкурирующими социальными группами. Отсюда, например, подъем кейнсианства в 1930-х годах можно рассматривать как ответ на давление со стороны организованного труда перед лицом Великой депрессии, в то время как ослабление рабочей силы в условиях глобальной конкуренции привело к упадку кейнсианства в 1970-х годах. Напротив, Марк Блит утверждает, что подъем и последующее падение кейнсианства потребовали появления нового эпистемологического сообщества, поддерживающего новый подход, которое получило доступ к средствам массовой информации и политическим элитам. Блайт утверждает, что не было случая, чтобы одна парадигма возникла просто потому, что она была более "верным" отражением социальной реальности, чем ее соперница. В Восточной Европе крах государственного социализма привел к идеологическому вакууму, который привлекал идеи о превосходстве рынков и либеральной демократии, исходящих с Запада. В то время как западные профсоюзы и социалистические партии пытались продвигать социал-демократические ценности, направляя делегации и открывая офисы в регионе, именно радикальные прорыночные идеи быстро привлекли внимание правящих элит по всей Восточной Европе – и даже в самой России. Распространение неолиберальных идей происходило очень быстро, и в нем участвовало небольшое число людей – западные экономические консультанты, которые ездили в регион; миссии международных финансовых учреждений; и конференции, в которых приняла участие горстка молодых, настроенных на реформы экономистов из стран с переходной экономикой. [11]

Подавляющее большинство местных экономистов в регионе оставались приверженными принципам социалистического планирования или, возможно, предпочитали какую-то социал-демократическую альтернативу. Нет никаких свидетельств того, что неолиберальные идеи стали "гегемонистскими" среди большинства политических и экономических элит региона, еще меньше среди населения в целом. Скорее, существовало более расплывчатое ощущение необходимости рыночных реформ – и Вашингтонский

консенсус был готов и ждал как рецепт перемен. До 1989 года в России не было эпистемологического сообщества “рыночных фундаменталистов”, а была лишь горстка мыслителей, стремящихся к рыночным решениям. [10] Большинство коренных сторонников неолиберализма в 1990-х годах были новообращенными, не имевшими достаточной профессиональной подготовки в области экономики свободного рынка. Возьмем, к примеру, Егора Гайдара и Вацлава Клауса, оба получили образование экономиста в социалистической системе, который впоследствии курировали внедрение рыночных реформ в качестве премьер-министра России и Чехословакии соответственно. Они стали открытыми сторонниками неолиберальных идей только в конце 1980-х годов. В Латвии неолиберальные идеи продвигала группа экономистов-эмигрантов, известная как “Джорджтаунская банда”, которая вернулась в Латвию в конце 1980-х годов.

В любом случае, даже в рамках неолиберальной парадигмы, возникшей на Западе, не существовало стандартной теории о том, как преобразовать всю государственную экономику в конкурентную рыночную систему. Предыдущая неолиберальная теория просто рассматривала вопрос о свертывании государственного управления в рамках уже сложившейся рыночной экономики. Таким образом, экономисты переходного периода действовали “без карта”. Им приходилось выпрашивать и заимствовать идеи из любого опыта, который казался уместным. Многие теоретические ‘принципы’, формирующие политику, были изобретены в одночасье, и реальная практика немедленно отклонилась от модели, какой она была. Критики часто связывают рыночные реформы 1990-х годов с либертарианской экономикой Фридриха Хайека, также известной как “австрийская школа”.

Истинный хайекианец в принципе возразил бы против самой идеи о том, что пакет реформ может быть разработан в Вашингтоне и применен национальными правительствами по всему миру. И если бы такие усилия были предприняты, результаты неизбежно сильно отличались бы от того, что предполагали реформаторы. Хайек считал, что социальные порядки возникают спонтанно в результате того, что индивиды преследуют собственные интересы, а не в результате какого -то грандиозного замысла. [5, стр. 256]

3) Вашингтонский консенсус распространяется на постсоциалистический блок

Прорыночные идеи не только циркулировали в академических кругах и прессе, но и стали инструментом политики ведущих международных финансовых институтов. На протяжении 1990-х годов МВФ, Всемирный банк и недавно созданный Европейский банк реконструкции и развития сделали соблюдение стандартного пакета неолиберальной политики условием нового кредитования правительств постсоциалистических стран. Правительствам было сказано, что у них нет другого выбора, кроме как принять

всеобъемлющий пакет мер, получивший название “Вашингтонский консенсус”.

По сути, это был “набор мер политики, основанных на твердой вере в свободные рынки и направленных на снижение или даже минимизацию роли правительства”. Эта общая философия, безусловно, нашла отклик в Советском блоке и сильно повлияла на принятие решений лидерами реформ. Консенсус в первую очередь отражал опыт Латинской Америки. Усилия по открытию этих экономик для усиления рыночной конкуренции были сведены на нет классовой борьбой и расточительством популистского правительства, ведущие к циклам долгового кризиса и гиперинфляции. В Вашингтоне Консенсус сводился к святой троице либерализации, стабилизации и приватизации. Аргументы в пользу свободной торговли и надежных денег существовали уже некоторое время, но приватизация, новейший элемент триады, была введена на национальном уровне Маргарет Тэтчер в Великобритании только в начале 1980-х годов. Но было неясно, в какой степени опыт Великобритании и Латинской Америки имеет отношение к задаче построения рыночной экономики с нуля в странах, в которых отсутствовали базовые такие институты, как акционерные общества, независимые суды, коммерческий кодекс, частная собственность на землю и т.д. Аргумент состоял в том, что политика должна осуществляться комплексно, поскольку неудача на одном фронте подорвет прогресс на других фронтах – например, фискальный дисбаланс приведет к падению курса валюты. Также было важно продемонстрировать “заслуживающую доверия приверженность” руководства более эффективной политике – сигнал как для иностранных инвесторов, так и для внутренних политических и экономических субъектов. Неспособность проводить последовательную политику по всем направлениям послала бы неоднозначный сигнал и подрыв доверия. Следовательно, пакет отдавал предпочтение политике, основанной на правилах, а не дискреционной, и практически не уделял внимания институтам и культуре коренных народов.

В России стабилизация (то есть снижение инфляции и закрытие бюджетного дефицита) заняла больше времени, чем было обещано, и произошла за счет обычных граждан из-за роста безработицы, сокращения государственных расходов, падения ВВП и инфляционного всплеска, который уничтожил сбережения. [3, стр. 96] Неолиберальный пакет поставил приоритетом контроль над инфляцией, поскольку цены являются ключевым сигнальным устройством в рыночной экономике. Критики утверждали, что в своем стремлении подавить инфляцию реформаторы усугубили рецессию переходного периода. Кроме того, отмена контроля за движением капитала и введение валюты, а затем и конвертируемости счета операций с капиталом сделали эти экономики уязвимыми для спекулятивных потоков капитала. Реформаторы, как правило, рассматривали обменный курс как номинальный якорь

для антиинфляционной политики, соблазняя правительства на дорогостоящие и часто безуспешные усилия по стабилизации обменного курса. Процесс приватизации был доведен до конца гораздо быстрее, чем скептики считали возможным, но в большинстве стран это сопровождалось коррупционными сделками, в результате которых отборные активы попадали в руки инсайдерской элиты.

Помимо своей экономической сути, комплексный подход также имел определенные политические преимущества. Сторонники утверждали, что важно действовать быстро, пока общество находится в состоянии беспорядка и до того, как представители старого режима смогут перегруппироваться и повернуть переходный период вспять.

В результате рыночных реформ социальное неравенство усилилось, и небольшое число людей стало невероятно богатыми. Возникает соблазн утверждать, что те, кто извлек выгоду из рыночных реформ, были не только их главными защитниками, но даже и главными зачинщиками. Таким образом, рыночная реформа рассматривается как результат целенаправленной политики дальновидных коммунистических бюрократов по превращению своей коллективной политической власти в частные оборотные активы, интерпретация, которой придерживаются как левые, так и правые.

б) Россия приступает к реформированию

1) Реализация политики Вашингтонского консенсуса в России

Вашингтонский консенсус оказал важное влияние на траекторию экономических реформ в России как в начальной, хаотичной фазе начала 1990-х годов при президенте Ельцине, так и во время возвращения к экономическому росту в 2000-х годах при президенте Владимире Путине. Однако принятие и осуществление пакета мер политики шло медленно и неравномерно. В годы правления Ельцина Россия реализовала примерно половину политического пакета, связанного с Вашингтонским консенсусом. Оптимисты скажут, что стакан был наполовину полон, пессимисты - что он был наполовину пуст. Наиболее значительный прогресс был достигнут в области конвертируемости валют и либерализации торговли. За годы правления Путина был достигнут незначительный прогресс – за заметным исключением налогообложения и фискальной дисциплины. Инициатива реформы была выдвинута в высших эшелонах российской политической элиты, которая поняла, что унаследованная институциональная структура не в состоянии поддерживать конкурентоспособность Советского Союза с конкурирующими капиталистическими державами. Как при Михаиле Горбачеве, так и при Борисе Ельцине реформы проводились сверху вниз: они не были вызваны давлением снизу и не были прямым ответом на давление извне страны. [10] Экономических реформ, введенных Горбачевым после того, как он стал

Генеральным секретарем в 1985 году, было достаточно, чтобы нарушить функционирование централизованно планируемой экономики, но они остановились задолго до перехода к рынку. Горбачев децентрализовал принятие решений на уровне предприятия и позволил появиться небольшим кооперативам. Но он отказался от отмены контроля над ценами или разрешения частной собственности. Политические реформы Горбачева были более существенными. Отмена цензуры и введение полусвободных выборов быстро подорвали монополию Коммунистической партии на власть и привели к распаду самого Советского Союза.

В качестве президента новой независимой Российской Федерации в январе 1992 года Борис Ельцин унаследовал страну, политические институты которой переживали муки перехода от однопартийного правления к некоему подобию избирательной демократии. В то же время институты централизованно планируемой системы распадались, а экономика находилась в состоянии свободного падения, с 80 миллиардами долларов международных долгов и пустой казной. Впервые за десятилетия в России произошли открытые рабочие волнения, когда шахтеры устроили забастовку в знак протеста против пустых полок магазинов. Спешно собранная команда экономических советников Ельцина во главе с Егором Гайдаром решила, что у них нет другого выбора, кроме как либерализовать внутренние цены, чтобы обеспечить поступление товаров и предотвратить массовый голод. 2 января 1992 года было освобождено около 80 процентов цен. В то же время были сняты ограничения на частных предпринимателей и внешнюю торговлю, и начали появляться реальные рынки. Решение о либерализации цен было принято в большой спешке и отражало скорее интуитивное понимание логики спроса и предложения, чем продуманное отражение предписаний вашингтонского соглашения.

К сожалению, цены резко выросли, и к концу 1992 года инфляция достигла 1600 процентов. Отчасти это было связано с запасом неизрасходованных рублей, которые люди накопили за предыдущие годы, а отчасти с тем, что Центральный банк закачивал ликвидность в систему, ошибочно полагая, что это предотвратит падение уровня жизни. [3, стр. 96] Это действие Центрального банка подорвало обещание реформаторов о том, что будет единовременная корректировка цен , но не будет устойчивой инфляции. Проблема заключалась в том, что банк был подотчетен не правительству Ельцина, а Съезду народных депутатов, большинство из которых вышло в оппозицию ельцинской “шоковой терапии”. Это был тот самый конгресс, который собрался на Сторону Ельцина, чтобы противостоять перевороту сторонников жесткой линии в августе 1991 года, всего за несколько месяцев до этого. Потребовалось три года политической борьбы, прежде чем правительство Ельцина смогло взять под контроль денежную массу и дефицит бюджета, при этом инфляция упала до

130 процентов в 1995 году и 25 процентов в 1996 году. [9] Отмена большинства мер контроля за внешней торговлей, снижение торговых тарифов и введение частичной конвертируемости рубля привели к резкому росту экспорта российского сырья и импорт продуктов питания и товаров народного потребления. Объем внешней торговли вырос с 17 процентов ВВП в 1990 году до 48 процентов в 2004 году, так что этот аспект либерализации сработал более или менее так, как ожидалось. [9]

Если движущим духом неолиберализма было отступление государства от экономической жизни, то Россия, безусловно, являла собой пример этой программы. Начальные реформы 1992 года привели к быстрому появлению множества независимых экономических субъектов – от уличных торговцев до директоров фабрик, которые теперь могут свободно управлять своими все еще находящимися в государственной собственности заводами без надзора со стороны центральных планировщиков. Также происходит утечка власти от государства к негосударственным субъектам и от федерального центра к регионам. Доходы федерального правительства сократились до минимума в 10-12 процентов ВВП в 1997 году, и у правительства возникли проблемы с выплатой пенсий и заработной платы государственным служащим. Федеральное финансирование образования и здравоохранения практически прекратилось, как и государственные заказы на оборонные заводы. Этот ранний период также ознаменовался падением уважения к закону и всплеском преступности и коррупции. Отступление государства было не столько преднамеренной политикой либеральных реформаторов, в результате распада советских государственных институтов, процесса, который начался в 1987 году и ускорился в 1991 году – до прихода к власти администрации Ельцина. В лучшем случае неолиберализм обеспечивал риторическую оболочку для объяснения этих событий как цены, которую необходимо заплатить за построение новой экономики. [2]

2) Программа приватизации

Приватизация, переход экономических активов из государственной собственности в частные руки, происходила в России удивительно быстрыми темпами. Однако используемые методы не соответствовали неолиберальным предписаниям о том, как это должно быть сделано. Западные консультанты выступали за открытые, конкурентные аукционы, которые привлекли бы новых владельцев с капиталом и опытом. Но в российском контексте этими внешними участниками торгов, скорее всего, будут иностранные корпорации, а приток иностранных владельцев был политически неприемлем. Хаотические экономические условия и провал стабилизационных программ означала, что государственные активы были фактически розданы, и “в некотором смысле то, что произошло, было скорее определением и

разъяснением существующих прав собственности, чем перераспределением собственности”. [7, стр. 272]

Во-первых, начиная с конца 1980-х годов начался процесс “спонтанной приватизации”, когда действующие директора взяли на себя фактический контроль над государственными предприятиями и начали управлять ими ради собственной личной выгоды. Некоторым фирмам удалось зарегистрировать себя как независимые корпорации с одобрения их надзорного министерства. Таким образом, бывшее Министерство природного газа превратилось в корпорацию "Газпром". Во-вторых, была программа массовой приватизации, запущенная Анатолием Чубайсом, главой Госимущества Комитет, в 1992 году, в соответствии с которым гражданам выдавались ваучеры для участия в торгах за акции государственных предприятий. Это было сделано по образцу успешной схемы, запущенной в Чехословакии. Однако, в отличие от чешской модели, в России рабочие и менеджеры им была предоставлена возможность приобретения контрольного пакета акций их собственной фирмы. Более 70 процентов фирм выбрали вариант инсайдерского выкупа, и контроль обычно концентрировался в руках действующих директоров. Большинство наиболее прибыльных российских фирм, особенно в нефтяном, газовом и металлургическом секторах, были исключены из программы массовой приватизации. Виталий Найшул, один из первых сторонников ваучерного подхода к России, осудил программу Чубайса как уступку инсайдерам. Третья волна приватизации путем продажи за наличные началась в 1994 году. Правительство не хотело продавать иностранным инвесторам, но российским покупателям не хватало капитала. Поэтому в 1995 году Чубайс предложил обменять акции дюжины ведущих нефтяных и металлургических компаний в обмен на кредиты российских банков. Через год, если государство не погасит кредиты, банк может сохранить акции.

Схема была введена указом президента: не было никакого способа, чтобы схема была одобрена новой Государственной Думой, избранной в декабре 1993 года и контролируемой, коммунистической и националистической оппозицией. Сделки пахли коррупцией: фирмы продавались на фальсифицированных аукционах по бросовым ценам участникам торгов, выбранным заранее. Схема обмена ссудами позволила московским банкам взять под контроль некоторые из основных активов экономики, приносящих доход, таких как рудник "Норильский никель" и нефтяные компании "Юкос" и "Сибнефть". В свою очередь, эти недавно обогатившиеся олигархи помогли Борису Ельцину выиграть переизбрание в Июнь 1996 года, предоставив свои финансовые и организационные ресурсы в распоряжение президента. В целом российская общественность рассматривала процесс приватизации как принципиально нелегитимный. Обобщая данные опроса 2000-07 годов, Капелюшников

приходит к выводу, что “около 90% всех россиян и даже 72% "предпринимателей" убеждены, что приватизация была проведена нечестно”. [6, стр. 50]

3) Оценка программы реформ

Существовала ли на самом деле альтернатива “шоковой терапии”? Оглядываясь назад, можно вернуться и сказать, что то или иное следовало сделать по-другому. Но трудно доказать, что для реализации был доступен радикально иной пакет мер политики, который работал бы лучше. Во-первых, данные показывают, что страны, которые либерализовались быстрее и решительнее, пережили более короткий и неглубокий спад переходного периода. Во-вторых, те страны, которые отклонились от этой модели, обладают особыми характеристиками, которые нелегко воспроизводимый в другом месте. И Беларусь, и Узбекистан отвергли неолиберальные реформы, и они, казалось, пережили меньшую постсоветскую рецессию. В случае с Беларусью экономическое "чудо" произошло в значительной степени благодаря продолжающимся субсидиям в виде дешевой российской нефти и газа. В Узбекистане экономическая стабильность была результатом полицейского государства, заставлявшего сельскохозяйственных рабочих трудиться на хлопковых полях для производства “белого золота” на экспорт. Вопреки знаменитому изречению Маргарет Тэтчер, всегда есть альтернатива – но эти альтернативы часто менее привлекательны, чем выбранный курс.

г) Неолиберализм и путинская Россия

Российская экономика сильно пострадала от экономического кризиса 1998 года, но новая администрация Путина не отказалась от приверженности рыночной экономике. Периодическая рыночная либерализация 1990-х годов уступила место созданию системы государственного капитализма Владимиру Путину. Это совпало с политическим переходом от гибридной полудемократии к централизованному авторитаризму и напористому национализму. Финансовый крах августа 1998 года был вызван падением мировых цен на нефть после азиатского финансового кризиса 1997 года. Это привело к падению российского дохода от экспорта как раз в тот момент, когда правительство отчаянно занимало, чтобы покрыть свой растущий бюджетный дефицит. Несмотря на поддержку МВФ в виде пакета мер по спасению в размере 22 миллиардов долларов в июле 1998 года, доверие иностранных инвесторов рухнуло. За один месяц обменный курс упал с 6 до 22 рублей за доллар. [5, стр. 256] Россия приостановила выплаты по своим внешним долгам, и многие западные банки, державшие частные долги, в конечном итоге рассчитались менее чем за 10 центов на доллар. Инфляция достигла 75 процентов к концу 1998 года, снова уничтожив сбережения зарождающегося среднего класса России (первой потерей была гиперинфляция 1992 года).

Большинство российских частных банков рухнули, подорвав богатство и власть многих олигархов, которые были политической основой режима Ельцина.

Многие наблюдатели опасались, что крах 1998 года означал конец рыночных реформ в России. Но вопреки ожиданиям, российское руководство не пыталось вновь ввести плановую экономику, и российская экономика удивительно быстро восстановилась после 1998 года. 75 - процентная девальвация рубля сделала российский экспорт более конкурентоспособным, и по счастливой случайности произошло восстановление мировых цен на нефть, которые выросли с 12 долларов в 1997 году до пика в 148 долларов в 2008 году.

Разрушив политическую власть олигархов, кризис сделал возможным возникновение новой, государственнической элиты при Владимире Путине (после того, как попытка региональных боссов захватить власть была отбита на выборах в Государственную Думу в декабре 1999 года). Победа Путина на президентских выборах 2000 года была обусловлена сочетанием факторов: экономическим подъемом; войной в Чечне; его собственной личной харизмой; и его политической формулой “сильной России”.

За восемь лет пребывания Путина на посту президента российская экономика росла примерно на 7 процентов в год. ВНП на душу населения вырос с 1710 долларов в 2000 году до 9 660 долларов к 2008 году. В текущих долларовых ценах ВВП вырос с 200 миллиардов долларов в 1999 году до 1680 миллиардов долларов в 2008 году. Россия поднялась с 20-го места по величине экономики в мире на восьмое. Глобальный сырьевой бум привел к значительному профициту бюджета, поскольку правительство вновь ввело экспортные тарифы на нефть, которые оно неохотно отменило по требованию МВФ в 1996 году. Правительство позаботилось о том, чтобы налоги были уплачены вовремя, а безналичные расчеты, которые достигли 50 процентов всех промышленных операций в 1998 году, упали до 10 процентов к 2004 году. Восемь лет президентства Путина ознаменовались удвоением уровня жизни, погашением почти всех внешних суверенных долгов России и накоплением к 2008 году валютных резервов в размере 400 миллиардов долларов. [5, стр. 256] В эпоху Ельцина каждые 2-3 года происходил крупный финансовый кризис. Этого не произошло при Путине.

1) Рыночная экономика здесь надолго

Можно было бы ожидать, что приход к власти 17-летнего ветерана КГБ, обещавшего возвращение сильного государства, означал бы конец неолиберализма в России. Но этому не суждено было сбыться. Идеи Путина были сформированы годами, когда он читал «The Economist» в качестве офицера разведки КГБ – и отрезвляющим опытом наблюдения за тем, как ГДР, самая успешная социалистическая экономика, рушится у него на глазах.[4] Путин

внес существенные изменения в политический режим Ельцина, сосредоточив политическую власть в руках Кремля. В течение нескольких месяцев после победы на президентских выборах в 2000 году он вернул контроль над всеми телевизионными станциями у их владельцев-олигархов и обуздал региональных губернаторов, кульминацией чего стала отмена прямых выборов губернаторов в 2004 году. В то же время Путин сохранил прорыночную ориентацию экономической стратегии Ельцина. Путин не отказался от опоры на частные корпорации как основы экономической системы, ни поднял ли он тарифные барьеры, чтобы оградить Россию от глобальной конкуренции? Напротив, он сохранил конвертируемую валюту и даже устранил оставшиеся барьеры для трансграничных потоков капитала. Путин ясно понимал, что будущее России как ведущей державы требует ее интеграции в мировую экономику и сохранения основных рыночных институтов, которые были введены – с большими социальными издержками – в 1990-е годы.

Немногие из первоначальной команды либеральных экономистов начала 1990-х годов все еще служили в Администрация Путина. Среди них были Анатолий Чубайс, который был назначен ответственным за реформирование электроэнергетической монополии ЕЭС; и Андрей Илларионов, который был назначен личным экономическим советником Путина в 2000 году. Признанный либертарианец, Илларионов выглядел все более неуместно в Путинском Кремле. Он ушел в отставку в 2005 году и занял должность в Институте Катона в Вашингтоне, округ Колумбия. Среди других известных реформаторов были Алексей Кудрин, министр финансов в 2000-11 годах; и Герман Греф, глава Центра стратегического развития, занимавший пост министра Экономики и торговли с 2000 по 2007 год. (Интересно, что Греф был юристом без экономического образования.) Грефа и Кудрина обычно характеризуют как прагматичных реформаторов, а не как идеологических неолибералов. Все четверо этих людей были родом из родного города Путина Санкт-Петербурга. Существует мало свидетельств того, что Путин какое-то время серьезно размышлял о том, как работает рыночная экономика. Напротив, его докторская диссертация, представленная в 1997 году, была посвящена теме государственного планирования освоения природных ресурсов. Путин был просто прагматичен реагируя на свои собственные наблюдения: что централизованное планирование потерпело неудачу и что рыночная экономика во всем мире стремительно развивается. Несмотря на всю свою приверженность сильному государству, Путин, возможно, все еще был большим экономическим либералом, чем среднестатистический россиянин. Согласно опросу Фонда Эберта, проведенному в 2000 году, 70 процентов россиян высказались за усиление государственного планирования, а 63 процента одобрили конфискацию имущества, приобретенного “Новыми русскими”. [1] 1990-е годы оставили задачу построения рыночной

экономики незавершенной. Первый президентский срок Путина ознаменовался принятием некоторых важных новых законов о реформе, хотя меры, которые вызвали беспокойство общественности, такие как повышение цен на коммунальные услуги, были отложены. В 2001 году подоходный налог с физических лиц был снижен с максимальной ставки в 35 процентов до фиксированной ставки в 13 процентов. [6, стр. 50] Доходы выросли после введения фиксированной ставки, но не так сильно, как надеялись реформаторы – отчасти потому, что все еще существовал -процентный социальный налог на заработную плату, который не позволял сообщать о доходах от занятости. Это снижение налогов было компенсировано ростом налоговых поступлений от быстро растущего ВВП и экспорта энергоносителей. Осторожная пенсионная реформа была проведена в 2003 году, в результате чего наряду с пенсией, обеспечиваемой государством, была введена частная накопительная пенсия. В 2004 году разгорелся спор по поводу правительственного плана упорядочить социальные выплаты для 32 миллионов получателей, сократив десятки льгот в натуральной форме (например, бесплатный общественный транспорт) в обмен на денежную компенсацию. После протестов общественности была проведена модифицированная версия реформы. Большие разделы российского законодательства все еще основывались на законодательстве советской эпохи, поскольку Ельцин бы неспособный протолкнуть новые законопроекты через парламент, в котором доминирует оппозиция. Достигнув рабочего соглашения с коммунистами в Государственной Думе в 2000 году, правительство Путина провело реформы судебной системы, налогового кодекса и банковского сектора. Новый трудовой кодекс упростил работодателям процесс найма и увольнения работников. Новый земельный кодекс впервые разрешил продажу земли , но парламент настоял на изъятии большинства сельскохозяйственных угодий, предоставив регионам устанавливать свои собственные правила.

Корпоративное управление во всем новоиспеченном частном секторе России оставляет желать лучшего желанный. Россия заняла 66-е место из 142 стран в глобальном рейтинге Всемирного экономического форума за 2011 год Индекс конкурентоспособности снизился с 57–го места в 2007 году, несмотря на 40-е место по доходу на душу населения.8 Россия оказалась в самом низком квартиле из всех стран по качеству государственных и частных учреждений и уровню конкурентоспособности, но в верхней трети по образованию, инфраструктуре и размеру рынка. Индекс восприятия коррупции Transparency International за 2011 год оценил Россию в 2,4 балла по 10- балльной шкале, поставив ее на 143 место из 183 стран. [12]

Исследование структуры собственности российской промышленности, проведенное в

2004 году, показало, что на 23 крупнейшие частные корпорации приходится около 30 процентов промышленных продаж и 11 процентов занятости. Это удивительно высокая степень промышленной концентрации по международным стандартам. Более того, большинство из этих фирм, по-видимому, контролировались одним человеком или группой лиц. В отчете также отмечается обширный ‘скрытый’ сектор государственных оборонных и других предприятий, которые продолжают получать субсидии и на долю которых приходится четверть промышленное производство. Очевидно, что эта высококонцентрированная и ориентированная на государство экономика мало похожа на ту открытую конкурентную экономику, которую представляли себе неолиберальные реформаторы. И все же именно ‘неолиберальные’ реформы позволили возникнуть этой экономике.

Главной проблемой была необходимость реформирования “естественных монополий”, которые все еще находились под контролем государства – железных дорог, "Газпрома" и электроэнергетического гиганта "Объединенные энергетические системы" (ЕЭС). [9, стр. 128] Путин сменил руководство этих гигантских корпораций, но отказался открыть "Газпром" или Российские железные дороги к рыночной конкуренции. Он действительно продвинул реформу ЕЭС, которую с 1998 года возглавлял бывший глава приватизации Анатолий Чубайс. В столкнувшись с жесткой оппозицией со стороны региональных губернаторов и конкурирующих олигархов, Чубайс разделил ЕЭС на региональные энергетические компании, одновременно создав национальный рынок электроэнергии. Чубайсу потребовалось десять лет, чтобы осуществить этот план, который был завершен в 2008 году. Как и в случае с естественными монополиями, реформа банковского сектора продвигалась черепашьими темпами. В 2003 году был принят давно назревший закон о введении страхования вкладов для частных банков. Но в остальном не было никакого реального прогресса в реструктуризации или улучшении регулирования коммерческих банков, который был разрушен крахом 1998 года. Семьдесят процентов депозитов по-прежнему размещались в государственном Сбербанке. Российские банки вели себя неэффективно и безответственно, выдавая мало кредитов отечественным производителям, но вкладывая деньги в спекулятивную недвижимость. Они занимали значительные средства за рубежом и, таким образом, были очень уязвимы к оттоку иностранного капитала во время финансового кризиса 2008 года. [8, стр. 272]

Отказ России вступить во Всемирную торговую организацию стал самым заметным пятном на российском имидже в рыночной экономике. Россия впервые подала заявку на вступление в ВТО в 1993 году и снизила импортные тарифные барьеры до уровня ВТО. (К 2008 году средний уровень тарифов в России составлял 10,7 процента.) [9, стр. 128] С годами

ВТО продолжала сдвигать ориентиры – к России применялись гораздо более строгие требования, чем, скажем, к Китаю, который присоединился в 2001 году. Россия предприняла шаги для выполнения условий ВТО. В мае 2003 года был подписан новый таможенный кодекс, но его реализация была слабой, а пиратство программного обеспечения и DVD-дисков широко распространено. В 2004 году Путин получил одобрение ЕС на въезд России в обмен на то, что Россия поддержала Киотский протокол о выбросах парниковых газов. Но США продолжали настаивать на расширении доступа иностранных фирм к Финансовый сектор России и улучшение защиты интеллектуальной собственности. Политические последствия войны в Грузии 2008 года еще больше задержали вступление России в ВТО, которое было окончательно одобрено в 2012 году. Продолжающееся стремление Путина к рыночной реформе основывалось на его собственных расчетах того, что было в Стратегические интересы России – и что послужило бы более продажным интересам его собственных политических кружок. Это произошло не в результате давления со стороны западных советников или условий предоставления кредита МВФ. В Кремле не было западных советников, и в 2006 году Россия выплатила все свои 22 доллара миллиардный долг перед МВФ досрочно. Путин хотел, чтобы Россия была принята как часть мирового сообщества через вступление в такие организации, как G8 или ВТО, и в то же время он представлял себя внутренней аудитории как сильного лидера, противостоящего Западу и настаивающего на уникальности России.

2) Зависимость России от экспорта нефти и газа.

“Наш экономический фундамент, хотя он и стал значительно прочнее, тем не менее

ненадежен и очень слаб потому что монополисты душат конкурентный сектор нашей экономики”. Владимир Путин, 16 мая 2003 года. Восстановление экономики России было вызвано резким ростом мировых цен на сырьевые товары во время бума 2000-х годов. Кремль открыл Россию для мировой экономики, и посланиерынка было громким и ясным: явное сравнительное преимущество России (как статическое, так и динамическое) заключается в том, что она служит источником энергии и металлов. На долю нефти и газа приходится около 25 процентов Российская экономика – высокий уровень, хотя и не такой высокий, как в Саудовской Аравии или даже Венесуэле, поскольку на долю обрабатывающей промышленности по-прежнему приходится около 17 процентов российского ВВП. Это был политический вызов для российских лидеров, чье чувство национальной гордости и стратегической безопасности – опирались на то, что Россия обладает развитой, диверсифицированной экономикой с высокотехнологичной промышленной базой. Зависимость от ресурсов также была проблемой для рыночных либералов из-за патологий, которые обычно сопровождают “ресурсное проклятие”. К ним относятся завышенный

обменный курс, приводящий к опустошение отечественного производства (“голландская болезнь”); и усиление зависимости от притока и оттока капитала, связанного с волатильностью мирового рынка нефти. К 2005 году на долю обрабатывающей промышленности приходилось всего 8 процентов российского экспорта, и только 3 процента относились к категории средне-высоких технологий. [10] На политическом фронте в отсутствие демократии нефтяная зависимость, как правило, приводит к концентрации богатства и власти в руках небольшой группы элит. Россия, безусловно, соответствует этому образцу. То Российское правительство столкнулось с двумя задачами: минимизировать негативные черты ресурсной зависимости в краткосрочной перспективе, одновременно способствуя диверсификации экономики в долгосрочной перспективе. Правительству не хватало полного набора монетарных инструментов, чтобы полностью стерилизовать приток наличности от положительного сальдо торгового баланса, и оно изо всех сил пыталось снизить инфляцию до однозначных цифр. (На протяжении 2000-х годов этот показатель оставался примерно на уровне 10 процентов.) Рубль продолжал укрепляться по отношению к доллару, и к 2004 г. конкурентное преимущество девальвации 1998 года исчезло. Тем не менее, по крайней мере до кризиса 2008 года, налогово-бюджетная политика России после 1998 года была консервативной, ближе к Норвегии, чем к Нигерии или Венесуэле. В 2004 году правительство создало Стабилизационный фонд, в который экспортеры нефти платят сверхнормативные налоги, когда цена превышает 20 долларов за баррель. Государственный внешний долг России был снижен до 53 миллиардов долларов (9 процентов ВВП) к 2008 году по сравнению со 150 миллиардами долларов в 1998 году. Таким образом, приняв меры по интеграции в глобальные рынки, Россия усилила свое воздействие на “ресурсное проклятие”. У неолиберальных экономистов нет в запасе простых решений проблемы ресурсной зависимости. Учитывая их скептицизм по поводу эффективности государственного вмешательства, они, вероятно, будут препятствовать попыткам обложить налогом энергетический сектор и субсидировать другие фирмы, занимающиеся производством или НИОКР. Но природе экономики, зависящей от нефти, присуще то, что государство будет играть важную роль. Нефть просто слишком важна, чтобы оставлять ее частному сектору. Если не считать США и Великобритании, добыча нефти почти всегда находится в руках государственных фирм.

В то время как критики утверждают, что Россия пострадала от передозировки “рыночного фундаментализма”, неолибералы по-прежнему настаивают на том, что Россия зашла недостаточно далеко в высвобождении подлинных рыночных сил. Вашингтонский консенсус оказал сильное влияние на российскую политику в некоторых конкретных

областях, такие, как конвертируемость валюты и снижение торговых тарифов. Но это оказало незначительное влияние на некоторые из наиболее важных решений, таких как вопрос о том, проводить ли приватизацию и каким образом, центральное место в экспорте нефти и газа, и сопутствующая необходимость вмешательства государства. Неолиберализм, который был искажен и выборочно применен в соответствии с политическими условиями ельцинской России в 1990-х годах, пережил еще одну метаморфозу и возродился в путинской России. Выдающаяся роль государства в экономической стратегии Путина означает, что Россия в настоящее время вышла далеко за рамки ‘неолиберального’ подхода к экономическому развитию. Но как самим россиянам, так и западным наблюдателям не хватает концептуального словаря для описания модели, которому они следуют. ‘Неолиберализм’ использовался по тактическим соображениям обеими сторонами политического раскола. Либералы апеллировали к законам западной экономической науки, чтобы замаскировать захват активов их друзьями и союзниками; в то время как коммунисты указывали на неолиберализм, чтобы "доказать", что реформаторы просто служили интересам Запада, стремясь превратить Россию в “сырьевой придаток”. Российский пример показывает, что во времена бурных перемен широкие и смелые теории о том, как работает экономика, могут найти отклик у измученных политиков, отчаянно нуждающихся в ответах на вызовы, с которыми они сталкиваются. Однако политические требования, в соответствии с которыми эти идеи принимаются и реализуются, обычно выводят результирующую политику далеко за рамки первоначальных концепций экономических консультантов. Кроме того, структурные характеристики рассматриваемой экономики – в случае России, ее зависимость от экспорта энергоносителей – могут переопределить политические предписания глобальных “лучших практик” в содействии устойчивому экономическому развитию. Следовательно, Вашингтонский консенсус лучше всего понимал как крайне конфликтное взаимодействие между доминирующей парадигмой транснациональной политики и конкретными политическими вызовами, с которыми сталкиваются лидеры отдельных стран, таких как Россия. Точно так же, как различные национальные кейнсианства эволюционировали в развитых экономиках к 1960-м годам, мы также можем видеть различные национальные неолиберализмы, возникшие в результате реформ 1990-х годов.

Список использованных источников

1) «Анатомия русской души», Известия - 16 апреля 2002 г.

2) Андрей Шлейфер и Даниэль Трейсман, без карты: политическая тактика и экономические реформы в Россия (Кембридж, Массачусетс: MIT Press, 2001).

3) Андрей Шлейфер, “Эпоха Милтона Фридмана”, Журнал экономической литературы, - 2009 – С. 123-135.

4) Владимир Попов, “Шоковая терапия против пересмотра постепенности”, Сравнительное экономические исследование - 2007 (49) - С. 28-31.

5) Владимир Путин, Первое лицо. Удивительно откровенный автопортрет Президента России (Нью Йорк: Public Affairs, 2000).

6) Кагарлицкий Б., Неолиберализм и революция – 2013 – С. 174-179

7) Капелюшников Р. И., Приключения «неолиберализма» - 2022 – С. 43-46

8) Колин К., Странная не-смерть неолиберализма – 2012 – С. 200-203

9) Пискулов Ю.В., Теория и практика неолиберализма в России – 2017 – С. 113-114

10) Росстат: Федеральная служба государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main / (дата обращения: 07 февраля 2023 года)

11) Энгус Б., Великая революция идей: возрождение свободных рынков после Великой депрессии. М.: Мысль – 2017 // https://gorky.media/ [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://gorky.media/reviews/pyat-vazhnyh-novinok-po-ekonomike/ (дата обращения: 07 февраля 2023 года)

12) Transparency International, Индекс восприятия коррупции за 2010 год. http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010ё

References

1) "Anatomy of the Russian soul", Izvestia - April 16, 2002

2) Andrei Shleifer and Daniel Treisman, Unmapped: Political Tactics and Economic Reform in Russia (Cambridge, MA: MIT Press, 2001).

3) Andrey Shleifer, “The era of Milton Friedman”, Journal of Economic Literature, - 2009 - pp. 123-135.

4) Vladimir Popov, “Shock therapy against gradual revision”, Comparative economic research - 2007 (49) - pp. 28-31.

5) Vladimir Putin, First person. A surprisingly candid self-portrait of the President of Russia (New York: Public Affairs, 2000).

6) Kagarlitsky B., Neoliberalism and Revolution - 2013 - P. 174-179

7) Kapelyushnikov R.I., Adventures of "neoliberalism" - 2022 - P. 43-46

8) Colin K., The strange non-death of neoliberalism - 2012 - pp. 200-203

9) Piskulov Yu.V., Theory and practice of neoliberalism in Russia - 2017 - P. 113-114

10) Rosstat: Federal State Statistics Service: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/ (date of access: February 07, 2023)

11) Angus B., The Great Revolution of Ideas: The Resurgence of Free Markets after the Great Depression. M.: Thought - 2017 // https://gorky.media/ [electronic resource] - Access mode. – URL: https://gorky.media/reviews/pyat-vazhnyh-novinok-po-ekonomike/ (Date of access: February 07, 2023)

12) Transparency International, Corruption Perceptions Index 2010. http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010